

Г. Г. КРИВОШЕИНА

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ БОГДАНОВ И ОСНОВАНИЕ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А. П. Богданов – выдающийся русский зоолог, антрополог и организатор науки, профессор Московского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук» (1890). Однако его вклад в развитие науки и образования в России до сих пор остается в значительной мере недооцененным. В статье на основе архивных и опубликованных источников кратко анализируются причины такого положения дел и более подробно – ключевая роль Богданова в организации Политехнической выставки 1872 г и создании в Москве Музея прикладных знаний (Политехнического).

Ключевые слова: А. П. Богданов, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), Политехническая выставка, Политехнический музей, история науки.

...без А. П. Богданова не было бы... ни политехнической [выставки], ни музея...

Газета «Голос», 14 декабря 1873 г.

140 лет назад, 30 мая 1872 г.¹, в Москве открылась Политехническая выставка, посвященная 200-летию со дня рождения Петра I. Представленные на ней экспонаты явились основой для экспозиции созданного в том же году Музея прикладных знаний (Политехнического) – одного из первых крупных общедоступных музеев Москвы. Музей стал важным просветительским и культурным центром: в нем устраивались воскресные объяснения экспозиций для народа, проводились публичные чтения и курсы лекций по различным предметам – от физики и прикладной зоологии до товароведения и молочного дела, проходили заседания научных обществ, занятия частных общеобразовательных учреждений (например, Высших женских курсов В. И. Герье), публичные народные чтения Общества распространения полезных книг, курсы Общества воспитательниц и учительниц, классы технического рисования Общества распространения технических знаний и т. д., а также съезды земских врачей, земских учителей и учительниц и др. Эта традиция не прервалась и после 1917 г. – особенно памятны поэтические диспуты 1920-х гг., участниками которых были А. Блок, В. Брюсов, В. Маяковский, А. Луначарский, и поэтические и музыкальные вечера 1960-х гг., на которых выступали Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский,

---

¹ Здесь и далее все даты даны по старому стилю.

Анатолий Петрович Богданов (1863.) (Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: материалы к истории эволюционной идеи в России. Т. 4. М.; Л., 1959)

Б. Окуджава. Музей и ныне поддерживает свои просветительские традиции: в нем работает лекторий, выступают ведущие ученые и общественные деятели.

Трудно представить, что всего этого могло бы не быть, если бы не инициатива, воля и энергия одного человека – профессора зоологии и директора Зоологического музея Московского университета Анатолия Петровича Богданова (1834–1896). Именно Богданов был инициатором проведения Политехнической выставки и разработал концепцию общедоступного музея прикладных знаний, однако полностью свой проект музея ему осуществить не удалось. Из-за недостатка средств нереализованными остались отделы, связанные с прикладной зоологией и ботаникой, но и в том виде, в каком он был создан, музей стал уникальным явлением не только для Москвы, но и для всей России. Современники, даже не очень благожелательно относившиеся к Богданову, признавали, что

...главная заслуга А. П. (Богданова. – Г. К.) заключалась в его деятельности как организатора. В этом отношении он стоит совершенно особняком в ряду русских научных деятелей, без предшественников и – покуда – без последователей [...] если Богданов за что взялся, то он достигнет своего и сделает то, что для всякого другого было бы немыслимым².

Организация Политехнической выставки и Музея прикладных знаний при отсутствии экспозиционных материалов, денежных средств и помощи от государства и была одним из таких «немыслимых» дел.

К сожалению, до сих пор роль Богданова в развитии науки и просвещения в России (в том числе и в создании Политехнического музея) не получила должной оценки, и его имя зачастую просто замалчивается³. Долгое

² Анучин Д. Н. Некролог А. П. Богданова // Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры. М., 1950. С. 48–249.

³ Например, в изданном к 130-летию Политехнического музея буклете (Политехнический музей в Москве: 1872 / Ред. Г. Г. Григорян. М., 2002) Богданов даже не фигурирует среди основателей музея, и его фамилия упоминается лишь дважды при перечислении людей, внесших вклад в создание музея. Хотя справедливости ради надо сказать, что в более раннем издании «Сквозь призму времени: Политехнический музей вчера, сегодня, завтра» (М., 1987) ему был посвящен отдельный раздел.

время единственной изданной его биографией оставался очерк Б. Е. Райкова⁴, который первым из отечественных историков науки изучил личные документы Богданова, переданные его дочерью О. А. Богдановой⁵ в архив Академии наук. Кроме того, в изданном несколько ранее сборнике статей, некрологов и заметок Д. Н. Анучина⁶ был перепечатан некролог Богданова и впервые опубликован посвященный ему отрывок из «Воспоминаний»⁷. Однако в последнее время наметился заметный рост интереса к деятельности этого ученого. В 2009 г. в Архиве РАН была организована выставка, посвященная 175-летию со дня его рождения⁸. В 2004 г. к 250-летию МГУ вышла в свет небольшая книжка В. З. Юровской о нем⁹. Серия публикаций о Богданове и его деятельности принадлежит также автору данной статьи¹⁰.

Богданов был, пожалуй, одной из самых неоднозначных фигур в истории русской науки второй половины XIX в. Глубоко верующий человек, убежденный консерватор, один из лидеров правого крыла московской университетской профессуры, с одной стороны, и популяризатор науки и эволюционных идей Ч. Дарвина, один из основоположников антропологии в России – с другой. «Очень важная, превосходительная особа, забравшая в свои руки все и вся, начиная от зоологии и кончая российской прессой»¹¹, – и ранимый человек, нежно любивший своих детей и всю жизнь переживавший из-за того, что так и не смог узнать, кто были его родители.

При жизни Богданов был хорошо известен – газеты широко освещали и его проекты, и деятельность основанного по его инициативе в 1863 г. Общества любителей естествознания (с 1867 г. – Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии – ОЛЕАЭ), которое зачастую

⁴ Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: Материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 203–467.

⁵ Богданова Ольга Анатольевна (1868–?) – дочь А. П. Богданова, детская писательница; посвятила свою жизнь изучению и сохранению творческого наследия своего отца и разбору его огромного архива.

⁶ Анучин. О людях русской науки и культуры... Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) – антрополог, этнограф, географ, в 1890–1923 гг. – президент ОЛЕАЭ.

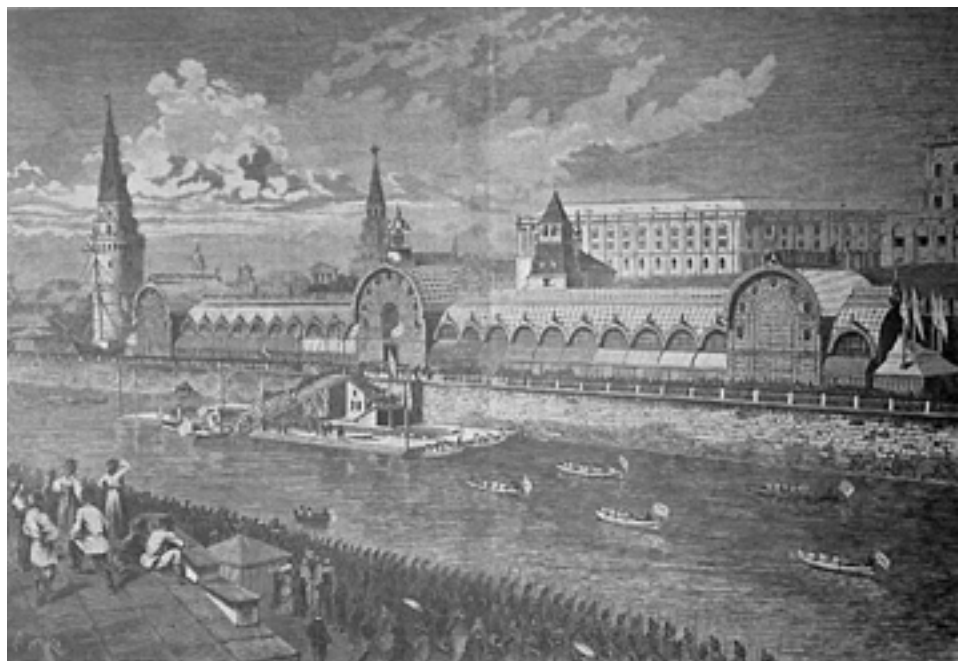
⁷ Полный текст рукописи «Воспоминаний» Анучина хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) (ф. 1011).

⁸ С ее материалами можно ознакомиться на сайте архива www.arran.ru. Эта виртуальная выставка названа: «Что за бес сидит в вас и не дает вам покоя?..»

⁹ Юровская В. З. Анатолий Петрович Богданов (1834–1896). М., 2004. Эта книга, подготовленная В. З. Юровской (1937–1992), кандидатом биологических наук, доцентом кафедры антропологии биологического факультета МГУ, специалистом в области антропогенеза и сравнительной анатомии, более 10 лет ждала своей публикации.

¹⁰ Кривошеина Г. Г. Либералы и консерваторы в Московском университете (к истории естествознания в России второй половины XIX в.) // История социокультурных проблем науки и техники. Сб. трудов. М., 2004. Вып. 2. С. 139–162; Кривошеина Г. Г. Роль А. П. Богданова в развитии зоологии в России // История социокультурных проблем науки и техники. Сб. трудов. М., 2004. Вып. 3. С. 35–48; Кривошеина Г. Г. К истории Первого съезда русских естествоиспытателей // Социокультурные проблемы развития науки и техники. Сб. трудов. М., 2006. Вып. 4. С. 64–78; Кривошеина Г. Г. А. П. Богданов – историк и летописец московской науки // ВИЕТ. 2007. № 3. С. 89–103 и др.

¹¹ Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 28 августа 1891 г. Богимово // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма в 12 т. М., 1975. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 265.

Открытие Политехнической выставки. Павильон морского отдела (Сквозь призму времени: Политехнический музей вчера, сегодня, завтра. М., 1987)

называли просто «богдановским». Оценки, правда, были весьма неоднозначны – от панегириков до едких фельетонов. Однако после смерти о Богданове, как это случилось и с его учителем К. Ф. Рулье, быстро забыли. Точнее, его имя просто перестали упоминать, за исключением разве официальных мероприятий, вроде юбилейных торжеств, посвященных 50-летию ОЛЕАЭ¹². Ни жену, ни сыновей Богданова (все они были членами общества, а Владимир¹³ и Еллий¹⁴ активно участвовали в подготовке статей для справочника о русских зоологах¹⁵) на этот юбилей не пригласили, ограничившись отправкой,

¹² См.: Пятидесятилетие Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии: 1863–1913. М., 1915.

¹³ Богданов Владимир Анатольевич (1865–1931) – старший сын А. П. Богданова. В 1888 г. окончил физико-математический факультет Московского университета со степенью кандидата математики и в течение 12 лет преподавал математику в 1-м Московском реальном училище. В 1914 г. принял духовный сан.

¹⁴ Богданов Еллий Анатольевич (1872–1931) – младший сын А. П. Богданова. В 1895 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Профессор и заведующий кафедрой общей зоотехнии Московского сельскохозяйственного института (Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева). Один из основоположников отечественной зоотехнии, автор капитального труда «Менделизм, или теория скрещивания» (М., 1914). Резко критиковал взгляды К. А. Тимирязева на генетику.

¹⁵ Богданов А. П. Материалы по истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последние 35 лет (1850–1887, т. 1–4) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1888–1892. Т. 55, 57, 70, 71.

пять дней спустя после торжественного заседания, телеграммы. По поводу этой телеграммы Владимир, старший сын Богданова, возмущенно замечает в письме к члену совета общества И. А. Каблукову¹⁶:

Общество благодарит маму¹⁷ за то, что мы жили совместно с папой во время его деятельности в обществе. Что это? Невежество, невежливость или оскорбительные намеки?.. Все это очень страшно, удивительно страшно¹⁸.

Через четыре года после смерти Богданова, в 1900 г., В. Д. Левинский¹⁹, присутствовавший на церемонии освящения надгробного памятника, который был установлен на могиле ученого на средства, собранные ОЛЕАЭ, с сожалением заметил:

Грустно стало сознавать, что под этим памятником в бранных остатках покоится почти сорокалетний труд энергичнейшего человека, русского ученого, посвятившего свою жизнь на возвеличение русской науки и на умножение в Москве полезных общеобразовательных учреждений. Все созданное А. П. Богдановым *упрочено* и служит ко славе Москвы, которая долго будет гордиться «созданиями» его труда, энергии и редкой организаторской способности [...] Но, увы, можно быть уверенным, что масса московских жителей даже мало знает, еще менее ценит имя Анатолия Петровича, которое не выдвигается, а почему-то *замалчивается* интеллигентной Москвой²⁰.

С последним соглашается и Райков: «Замалчивание имени Богданова со стороны либеральной интеллигенции действительно имело место»²¹. Он объясняет это тем, что «Богданов не принадлежал к ее (либеральной интеллигенции. – Г. К) лагерю, а его положительная роль в науке не была ей хорошо известна»²².

Попытаемся разобраться с этим объяснением. Трудно поверить, что московская либеральная интеллигенция (и не только московская) не была осведомлена о деятельности Богданова. Во-первых, это противоречит фактам, изложенным самим же автором, а во-вторых, предполагает, что либеральная интеллигенция вообще не читала газет. Положим, катковские «Московские ведомости» могли ей не нравиться, но о Богданове и ОЛЕАЭ много писали либеральные «Русские

¹⁶ Каблуков Иван Алексеевич (1857–1942) – физикохимик, профессор химии Московского университета, член-корреспондент АН СССР (1928).

¹⁷ Елена Васильевна Богданова, урожд. Полеваева (1841–1916) – жена А. П. Богданова.

¹⁸ Письмо В. А. Богданова И. А. Каблукову // Архив РАН (АРАН). Ф. 474. Оп. 3. Д. 70. Л. 18.

¹⁹ Левинский Владимир Дмитриевич (1849–1917) – писатель, журналист, общественный деятель, действительный член ОЛЕАЭ (с 1874 г), хранитель сельскохозяйственного отдела Политехнического музея; в 1884–1906 гг. – редактор-издатель журнала «Будильник». Автор статей и книг по различным вопросам сельского хозяйства. Принимал участие в организации и издании «Воскресных объяснений коллекций Политехнического музея» (М., 1884–1894).

²⁰ Вл. Л–ский. Грустные мысли... (открытое письмо москвичам) // Будильник. Сатирический журнал. 30 апреля 1900 г. № 16.

²¹ Райков. Русские биологи-эволюционисты... С. 453.

²² Там же.

ведомости»²³, а также газета «Голос», журнал «Огонек» и другие периодические издания. Конечно, публика обычно отличается короткой памятью, но те, кто после смерти Богданова предпочли замалчивать его вклад в развитие русской науки и просвещения, прекрасно знали и помнили, что он сделал, однако политические и идеологические соображения были важнее реальных достижений²⁴. А в Москве ситуация усугублялась еще и давним соперничеством молодого богдановского ОЛЕАЭ и основанного еще в 1805 г. Императорского Московского общества испытателей природы (МОИП)²⁵.

В адрес Богданова часто звучали обвинения в приспособленчестве и безнравственности. В первую очередь, критика касалась того способа, каким он добывал деньги для своих проектов (напомним, что и выставки, и вся деятельность ОЛЕАЭ – издательская, экспедиционная и пр. – обеспечивалась частными средствами при минимальной поддержке государства): в обмен на пожертвованные средства промышленники получали награды, звания, а в некоторых случаях – лоббирование их интересов в Московской городской думе.

Наиболее нашумевшим был конфликт Богданова с его учеником В. А. Вагнером²⁶, история которого подробно описана Райковым²⁷. Вагнер,

будучи философствующим моралистом, стал критиковать некоторые мероприятия Богданова, считая их неправильными с принципиальной точки зрения²⁸.

Несмотря на многочисленные попытки Богданова, он отказывался мирно решить этот спор, и дело кончилось полным разрывом, после чего, как рассказывает Райков со слов самого Вагнера,

---

²³ Не стоит приводить здесь конкретные ссылки – они займут слишком много места, но если просмотреть, например, выпуски «Русских ведомостей» за 1872 или 1879 гг., то практически в каждом номере можно найти материал о Богданове и его выставках.

²⁴ Подробнее об этом см.: *Кривошеина*. Либералы и консерваторы в Московском университете...

²⁵ Интересно, что сегодня историки МОИП, сознательно или из-за недостаточной информированности, пытаются приуменьшить значение ОЛЕАЭ. Так, на официальном сайте МОИП <http://www.moip.msu.ru> в статье «МОИП и Общество любителей естествознания» утверждается, что ОЛЕАЭ лишь временно выделилось из состава МОИП и что все почетные члены МОИП автоматически становились членами ОЛЕАЭ. Интересно, что в классическом труде «Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки», написанном вице-президентом МОИП В. А. Варсанофьевой (М., 1955) нет и намека на подобное развитие событий. Более того, говоря об исследованиях территории России во второй половине XIX в., автор, например, пишет, что в этот период: «...МОИП уже не организует больших экспедиций на свои средства. С одной стороны, экспедиция Г. С. Карелина сильно подорвала финансовое положение общества, с другой стороны, к этому времени возникает несколько новых добровольных научных обществ, материально более обеспеченных, как Русское географическое общество [...] и Московское общество любителей естествознания антропологии и этнографии...» (с. 50).

²⁶ Вагнер Владимир Александрович (1849–1934) – зоолог, педагог, один из основоположников отечественной зоопсихологии. Окончил Московский университет, сначала юридический, а в 1882 г. – естественное отделение физико-математического факультета. Являлся прототипом зоолога фон Корена в повести А. П. Чехова «Дуэль».

²⁷ Райков. Русские биологи-эволюционисты... С. 436–442.

²⁸ Там же. С. 436.

двери всех учреждений в Москве, где Вагнер мог бы заниматься по предмету своей специальности, оказались для него закрытыми, и ему пришлось на время ограничиться преподаванием в средней школе, а свои опыты и наблюдения по сравнительной психологии животных ставить на дому, без лаборатории ²⁹.

Одним из последствий этого конфликта стало появление фельетона А. П. Чехова «Фокусники» ³⁰, написанного на основе брошюры К. А. Тимирязева «Пародия науки» ³¹ и зло высмеивающего работу Московского зоологического сада и Богданова как его научного руководителя ³².

В советский период эти два произведения вкупе с работой Тимирязева об Эрнсте Геккеле, где утверждалось, что Богданов пытался «поднять травлю на дарвинизм в России» ³³, стали ключевыми для оценки всей деятельности Богданова и его научного наследия, и до сих пор ситуация серьезно не изменилась. Даже в наше время в комментариях к «Фокусникам» неизменно утверждается, что

Тимирязев в «Пародии науки» и Чехов в «Фокусниках» выступили не просто по поводу частной научной ошибки, а против представителей антидарвинистского направления в русской биологии ³⁴,

т. е. против Богданова. И это при том, что Райков, подробно исследовавший жизнь и научную, преподавательскую и просветительскую деятельность Богданова ³⁵, еще в 1959 г. привел достаточно убедительные свидетельства того, что «Богданов действительно строил свой университетский курс зоологии на идеях Рулье и Дарвина» ³⁶ и что

Богданов в начале 60-х годов попытался ввести в средней школе преподавание учения Дарвина. Сделал он это довольно поспешно, не довел дела до конца [...] но все же за ним остается та заслуга, что он первый поставил вопрос о желательности преподавания дарвинизма в средней школе ³⁷.

²⁹ Там же. С. 436.

³⁰ Чехов А. П. Фокусники // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М., 1979. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. С. 246–256.

³¹ Тимирязев К. А. Пародия науки // Тимирязев К. А. Сочинения в 10 т. [М.], 1937. Т. 3. С. 379–386. С этой брошюрой Чехова познакомил его друг и сосед Вагнер.

³² Что касается справедливости упреков в адрес Богданова, то Райков (см. Райков. Русские биологи-эволюционисты...) подробно исследовал историю написания Чеховым фельетона «Фокусники» и пришел к выводу, что «эта литература имела мало общего с действительностью». В истории с Тимирязевым Райков скорее на стороне последнего, хотя ряд документов свидетельствует о том, что в сложившейся на выставке ситуации был отчасти виноват сам Тимирязев: он обещал создать в Зоологическом саду вегетационную лабораторию, но не выполнил обещанного, и организаторы в спешке перед открытием выставки сами сделали, что могли. Вообще, история конфликта Богданова, а позже его сына Еллия с Тимирязевым достаточно интересна и заслуживает специального рассмотрения.

³³ Тимирязев К. А. Эрнст Геккель // Тимирязев. Сочинения... 1939. Т. 8. С. 360.

³⁴ Чехов. Полное собрание сочинений и писем... Т. 16. С. 510.

³⁵ В четырехтомном труде Райкова «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина» (М.; Л.: 1951–1959) очерк о Богданове по объему в 2–5 раз превосходит остальные очерки за исключением очерка о К. Ф. Рулье, который занимает весь третий том.

³⁶ Райков. Русские биологи-эволюционисты... С. 302.

³⁷ Там же. С. 431.

Но даже Райкову, подробнее всех изучившему жизнь и деятельность Богданова, было трудно справиться с устоявшимися идеологическими шаблонами. И хотя, по его собственному утверждению, он «старался [...] беспристрастно воссоздать истинный облик Анатолия Петровича»³⁸, любую похвалу в адрес своего героя он, зачастую противореча сам себе, пытается уравновесить пространством описанием отрицательных черт характера Богданова. Так, в одной части биографии он обвиняет его в зависти, умении притворяться, стремлении во что бы то ни стало обеспечить себе материальную независимость, а ниже пишет о его искренней преданности науке, исключительной честности и бескорыстии.

Заметный налет недоброжелательности иллюстрирует, например, такой достаточно пространственный пассаж:

Распространенным и до известной степени справедливым было обвинение Богданова во властолюбии и даже деспотизме при соблюдении им внешней коллегиальности. Он усвоил тактику: уклоняться от всяких видных и почетных должностей и званий в создаваемых им многочисленных обществах, отделах, комитетах и т. д., выдвигая на эти роли подходящих людей с тем, чтобы самому, за их спиной, фактически направлять работу. Обыкновенно это были либо высокопоставленные титулованные лица, либо старые почтенные ученые вроде Щуровского, либо богатые жертвователи и благодетели без чинов, тщеславию которых это выдвижение льстило³⁹.

Если «уклонение от почетных должностей и званий» заменить на «отсутствие тщеславия», а «самому, за их спиной, фактически направлять работу» на «ответственное отношение к делу, даже при том, что вся слава достанется другим»⁴⁰, то весь текст приобретает совершенно иной смысл. Кроме того, практика назначения членов царской семьи или высокопоставленных чиновников почетными председателями комитетов, обществ, музеев издавна существовала в России и не была изобретением Богданова. Вспомним хотя бы Русское географическое общество, президентами которого были великие князья Константин Николаевич⁴¹, а затем Николай Михайлович⁴², или московский Исторический музей, должность почетного председателя которого в разное время исполняли великие князья Сергей Александрович⁴³ и Михаил Александрович⁴⁴.

³⁸ Там же. С. 453.

³⁹ Там же. С. 435.

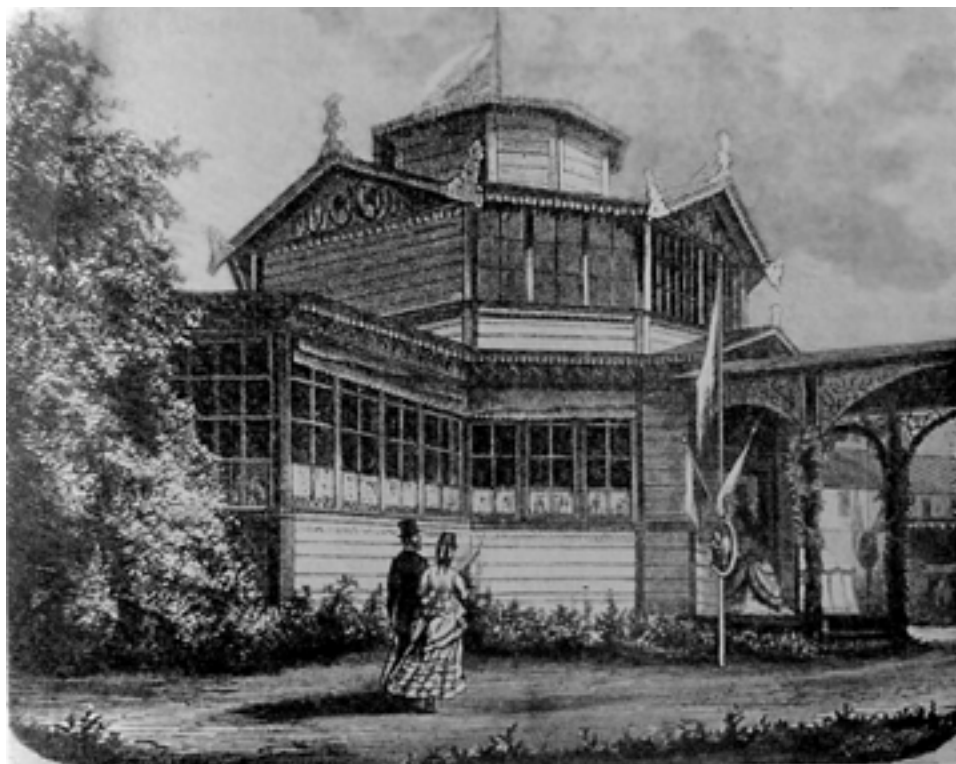
⁴⁰ Так и произошло, например, при создании Дашковского этнографического музея после Этнографической выставки 1867 г.

⁴¹ Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) – второй сын императора Николая I, генерал-адмирал.

⁴² Великий князь Николай Михайлович (1859–1919) – старший сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I; почетный член Санкт-Петербургской академии наук, генерал-лейтенант, энтомолог и историк; расстрелян в Петропавловской крепости.

⁴³ Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) – пятый сын Александра II; московский градоначальник, генерал-губернатор; убит террористом И. П. Каляевым.

⁴⁴ Великий князь Михаил Александрович (1878–1918) – четвертый сын Александра III, младший брат Николая II; российский военачальник, член Государственного совета; расстрелян большевиками близ Перми.

*Павильон зоологического отдела Политехнической выставки в Кремлевских садах
(Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты...)*

О неточностях и натяжках, присутствующих в приведенном выше отрывке⁴⁵, можно говорить еще долго, но для темы данной статьи здесь важно одно – для Богданова дело было важнее, чем исполнение почетных публичных обязанностей, которые к тому же отнимали много времени. Поэтому при поверхностном знакомстве с официальными документами, связанными с деятельностью, например, комитетов выставок, его роль не так очевидна, хотя в большинстве случаев он действительно направлял их работу. И это вкуче с замалчиванием имени Богданова со стороны либеральной интеллигенции также было причиной того, что его вклад в развитие русской науки и, в частности, в организацию Политехнической выставки и музея до сих пор остается недооцененным.

Ко времени, когда Богданов задумал Политехническую выставку, у него уже имелся опыт организации масштабных выставок и его «выставочный

⁴⁵ Особенно удивляет упоминание среди людей, которых Богданов «использовал» в своих целях, Г. Е. Щуровского (1803–1884), геолога и популяризатора науки, заслуженного профессора Московского университета, ставшего первым президентом ОЛЕАЭ. Именно благодаря ОЛЕАЭ Щуровский смог воплотить в жизнь некоторые из своих просветительских идей. Совместная работа Богданова и Щуровского – тема, интересная сама по себе и заслуживающая отдельного рассмотрения.

Павильон ботанического отдела в Кремлевских садах (Райков Б. Е. Русские биологи- эволюционисты...)

метод» – проведение выставок с целью популяризации среди самых широких масс населения определенной области науки и использование собранных на выставке средств (выручка за билеты, пожертвования и пр.) и экспонатов для создания музеев и других научно-просветительских учреждений – полностью сформировался. Он был инициатором и одним из главных организаторов Второй акклиматизационной выставки⁴⁶ Комитета акклиматизации животных и растений Московского общества сельского хозяйства (1863), благодаря которой были собраны средства на создание в Москве зоологического сада, и Этнографической выставки Общества любителей естествознания (1867), экспонаты которой легли в основу экспозиции Дашковского этнографического музея.

Строго говоря, «выставочный метод» не был изобретением Богданова. Во многом он использовал опыт лондонской «Выставки промышленных произведений всех народов мира» (Первой всемирной про-

⁴⁶ Первая акклиматизационная выставка, также организованная Богдановым, прошла в здании Московской земледельческой школы и была совсем небольшой (всего 285 экспонатов).

Сельскохозяйственный отдел (АРАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 64. Л. 10)

мышленной выставки) 1851 г.⁴⁷, но развил и дополнил его, в частности, привлечением самых широких кругов населения к сбору экспонатов и проведением предварительных общедоступных лекций по тематике выставки. Величественно-имперский стиль оформления выставок был заимствован им из экспозиции Хрустального дворца⁴⁸. Оттуда же – броские и созданные специально для привлечения публики, но не всегда связанными с тематикой экспозиции предметы, вроде динозавров на Антропологической выставке 1879 г.

Впервые выставочный метод в полном объеме был опробован при организации Этнографической выставки, проходившей в Москве 23 апреля – 19 июня 1867 г. Выставка имела большой успех и принесла широкую извест-

⁴⁷ Подробнее об этом см.: *Кривошеина Г. Г. Хрустальный дворец и московские научные выставки второй половины XIX в. // История техники и музейное дело. М., 2006. Вып. 3. С. 187–196.*

⁴⁸ Как известно, павильон Первой всемирной выставки, получивший наименование «Хрустальный дворец», по ее окончании был перенесен на юг Лондона и превращен в культурно-развлекательный центр.

ность как самому Богданову, так и Обществу любителей естествознания, которое благодаря ей получило почетную приставку «Императорское» и добавило к своему названию помимо естествознания еще антропологию и этнографию. Политехническая выставка и основание Музея прикладных знаний (Политехнического) стало вторым масштабным мероприятием Богданова и ОЛЕАЭ.

Райков, рассматривая развитие проекта Политехнической выставки, пишет:

Дело это началось вскоре после окончания Этнографической выставки. Окрыленный ее успехом, Богданов выступил в обществе с предложением организовать выставку прикладного естествознания [...] Целью этой выставки было, как всегда у Богданова, устройство Музея прикладной зоологии [...] Однако проект устройства выставки прикладной зоологии скоро подвергся существенным изменениям. Толчком к этому послужила поездка Богданова в 1868 г. (на самом деле – в 1867 г. – Г. К.) на Парижскую всемирную выставку. Он посмотрелся там на новейшие успехи техники как приложения физико-химических наук и по возвращении предложил совместно с членом общества физиком А. С. Владимирским ⁴⁹ расширить программу будущей выставки, включив туда, кроме биологических наук, также химию, физику, механику и т. д. Было изменено и название выставки: она получила наименование «Политехнической» (термин, вывезенный Богдановым из Парижа) ⁵⁰.

Однако анализ переписки Богданова и протоколов заседания ОЛЕАЭ показывает, что события развивались несколько иначе. Начнем с того, что успехами выставки Богданов окрылен не был. Во-первых, потому что она получилась не совсем такой, как он планировал изначально, – ее антропологическая часть выглядела довольно слабо. Во-вторых, созданная из экспонатов выставки музейная экспозиция перешла под управление В. А. Дашкова ⁵¹ (в виде Дашковского этнографического музея), и общество никак не могло влиять на ее дальнейшую судьбу, а для Богданова, как он сам неоднократно подчеркивал, выставка была лишь средством «получения материала для изучения, преподавания и популяризации сведений по той или другой науке» ⁵². По его словам,

для нас праздничная сторона, внешний успех и даже сырой материал, собранный выставкою, как бы богат он ни был, составляли только средство, подготовительное орудие.

⁴⁹ Владимирский Алексей Сергеевич (1827–1880) – физик, педагог, профессор Императорского Московского технического училища; инициатор создания, секретарь, затем председатель физического отделения ОЛЕАЭ; организатор павильона прикладной физики на Политехнической выставке (1872) в Москве.

⁵⁰ Райков. Русские биологи-эволюционисты... С. 339–340.

⁵¹ Дашков Василий Андреевич (1819–1896) – коллекционер, меценат, директор Московского публичного и Румянцевского музеев; в 1865 ссудил (а не пожертвовал, как это обычно утверждают) ОЛЕАЭ 20 тыс. руб. на организацию этнографической выставки при условии, что по окончании выставки ее экспонаты будут переданы в Московский публичный музей и это собрание будет именоваться Дашковским этнографическим музеем.

⁵² Рукописи Богданова по истории общества // АРАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 59. Л. 23.

Дело, для которого устраивалась выставка, обыкновенно только начиналось серьезно с окончанием ее, и время показывало только, насколько учная задача выставки и его лично «состояла в отчуждении собранного материала от кружка тех специалистов, которые одни могли бы оживить его и извлечь научную пользу»⁵³. Хотя нельзя отрицать, что выставка принесла ОЛЕАЭ несомненную пользу – известность и авторитет общества значительно возросли.

Еще до окончания работы Этнографической выставки Богданов начал разрабатывать планы дальнейшей деятельности ОЛЕАЭ. На заседании 5 июня 1867 г после вручения ему золотой медали и благодарственного адреса от общества в связи с организацией выставки он, в частности, сказал:

Наше общество имеет главной целью содействовать практическому изучению естествознания и распространению полезных сведений в массе публики. Два из наших отделов – антропологический и этнографический⁵⁴ – с успехом выполнили цели общества. Этнография и антропология в нашей выставке приобрели не только серьезный научный материал для будущих исследований, но и могучее средство для популяризации этих наук [...] В настоящее время, по моему мнению, желательно, чтобы общество обратило свою деятельность на другую сторону, а именно сделало для естествознания в тесном смысле то, что сделано им для этнографии и антропологии⁵⁵.

В качестве первого шага на этом пути он предложил устроить в Москве при Зоологическом саде или университете морские и пресноводные аквариумы, причем

главная цель должна быть [...] обращена на ученое значение их (аквариумов. – Г. К.); но кроме этого не должно быть упускаемо также из виду и то, что аквариумы только тогда могут процветать и быть осуществлены, когда они получают и популяризационное значение⁵⁶.

Ни о каких других естественно-научных выставках, а уж тем более о планах создания Музея прикладной зоологии, он при этом не упоминал, хотя идею организации естественно-исторической выставки, которая способствовала бы как популяризации естественных наук, так и пополнению коллекций университетских естественно-исторических музеев, все же обдумывал. Своей идеей он поделился с секретарем общества Н. К. Зенгером⁵⁷ (последний в письме

⁵³ Там же. Л. 23 об.

⁵⁴ Антропологический отдел Общества любителей естествознания был создан в ноябре 1864 г., этнографический – в феврале 1867 г.

⁵⁵ Протоколы заседаний Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 15-го октября 1865 г. по февраль 1869-го года // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1886. Т. 3. Вып. 2. Стб. 80–81. На обложке этого издания опечатка: вместо «октября 1865 г.» должно было быть «октябрь 1866 г.».

⁵⁶ Там же. Стб. 81.

⁵⁷ Зенгер Николай Карлович (1841–1877) – зоолог, ученик Богданова, первый штатный хранитель Зоологического музея Московского университета, секретарь Общества любителей естествознания.

к Богданову от 8 октября 1867 г. заметил: «Я помню разговор наш перед отъездом Вашим⁵⁸ – о естественно-исторической выставке»⁵⁹) и, вероятно, с президентом ОЛЕАЭ Г. Е. Щуровским.

Правда, четкой концепции будущей выставки пока еще не существовало. Она оформилась несколько позже, когда после завершения Этнографической выставки Богданов отправился вместе с А. С. Владимирским в зарубежную командировку. Задачей Богданова было знакомство с организацией зоологических садов, музеев и аквариумов, а Владимирский должен был оценить технические аспекты их устройства и содержания, а также осмотреть «физические и механические учреждения» (кабинеты, мастерские, музейные и выставочные экспозиции)⁶⁰, поскольку при ОЛЕАЭ, по предложению Владимирского, планировалось создать отделение физических наук⁶¹.

Особое впечатление на Богданова произвела Парижская всемирная выставка 1867 г., посещение которой навело его на две важные мысли. Первая: коллекции, посвященные прикладным аспектам зоологии, тесно связанным с повседневной жизнью, вызывают заметный интерес посетителей, а значит, их имеет смысл использовать для популяризации естественно-научных знаний. В письме Зенгеру он заметил:

Парижская выставка дала мне мысль поставить в программу нашего музея⁶² продукты и приложения зоологии к жизни. Здесь я вполне убедился в той пользе, которую могут принести такие коллекции: специалисты и неспециалисты, проходящие довольно равнодушно мимо систематических коллекций, останавливаются здесь подолгу и изучают то, что в наглядной картине [...] дает им понятие, так сказать, осязательное о том значении, которое имеет зоология в приложении к жизни⁶³.

И вторая: выставка, чтобы быть интересной и познавательной для посетителя, не обязательно должна быть посвящена одной или близким областям науки. Делясь своими впечатлениями от Парижской выставки, он писал Щуровскому:

На Парижской выставке для меня было столько же полезно просмотреть зоологические предметы, сколько и ознакомиться с предметами других отраслей естествознания, потому что такое знаком-

---

⁵⁸ Зенгер имеет в виду отъезд Богданова за границу в конце августа – начале сентября 1867 г.

⁵⁹ Письма Н. К. Зенгера А. П. Богданову // АРАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 252. Л. 37 об.

⁶⁰ Протоколы заседаний... Стб. 92–93.

⁶¹ Владимирский внес это предложение на заседании 2 февраля 1867 г. (Протоколы заседаний... Стб. 38). Официально физическое отделение было учреждено на заседании 2 ноября 1867 г. Его первым председателем стал вице-президент ОЛЕАЭ математик А. Ю. Давидов, а секретарем – А. С. Владимирский.

⁶² Имеется в виду Зоологический музей Московского университета, директором которого был Богданов, а хранителем – Зенгер.

⁶³ Этот отрывок из письма Богданова к Зенгеру (секретарю ОЛЕАЭ) последний процитировал в своем отчетном докладе на годичном заседании общества 15 октября 1867 г. (Протоколы заседаний... Стб. 123).

Лесной отдел (АРАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 64. Л. 4)

ство не только вообще развивает специалиста и сглаживает его необходимую узость точки зрения, но дает также и возможность пошире взглянуть на свой предмет. В настоящее время успехи всех естественных наук так связаны между собою, что для зоолога часто приходится иметь дело и с геологию, и с физикою, и с химиею, даже с математикою⁶⁴.

Именно после посещения Парижской выставки у Богданова возникла идея организовать выставку *прикладного* естествознания, на которой в первую очередь должны быть представлены прикладные аспекты зоологии, ботаники и геологии. По-видимому, уже тогда, явно под влиянием Владимирского, он не исключал, что тематика выставки может быть расширена за счет технических наук. Поэтому в письме к Щуровскому он назвал будущую выставку «политехнической». Впоследствии, вспоминая об этом, Богданов так объяснял появление этого названия:

---

⁶⁴ Цит. по отчетному докладу Щуровского на годовичном заседании 15 октября 1867 г. (Протоколы заседаний... Стб. 112).

При внимательном изучении частных предстоящего рождения музея и выставки в 1867 году, во время нашей совместной поездки с А. С. Владимирским за границу, оказалось, что легче и полезнее для дела будет рождасть двойни, хотя бы это и казалось противоречащим естественным законам. Прикладное естествознание ребенок слабый, рождение коего большинством публики считалось если не лишним, то преждевременным. Полезно было соединить его с другим ребенком, более сильным, более развитым, желанным для гораздо большего числа людей. Убедившись в этом, мы условились с А. С. Владимирским в плане, и явилось расширение в виде технического отдела, а вся выставка покрылась понятным для большинства термином «Политехническая»⁶⁵.

Однако в дальнейшем, как мы увидим, это новое название вызвало некоторую путаницу. Так, Зенгер писал Богданову 8 октября:

Я думал, что Вы может быть полагаете соединить обе выставки в одну и потому говорите о Кремлевских садах⁶⁶, но в письме к Григ. Ефимовичу⁶⁷ об естественно-исторической выставке Вы и не намекаете на подобное соединение. К тому же я сам знаю, что оно неудобно даже по времени. Политехническая может осуществиться года через два, естественно-историческую так скоро не приготовить⁶⁸.

Что же касается Щуровского, то вряд ли он мог просто проигнорировать предложение Богданова. В первые десятилетия существования ОЛЕАЭ авторитет Богданова в обществе был непререкаемым. Даже в его отсутствие без его согласия и без его указаний принципиальных решений общество не принимало. Для подтверждения приведем отрывок из уже упоминавшегося письма Зенгера к Богданову от 8 октября 1867 г.:

В прошлом заседании из Ваших писем сообщили мы только то, что касалось аквариумов [...] В годичном заседании Ваши письма будут иметь более обширное приложение. Хотя и не давали Вы нам права выкраивать из них по нашему усмотрению, но все-таки уже предположено и г-ном президентом, и г-ном секретарем воспользоваться всем, что возможно. Решение это оправдывается тем, что если б были бы Вы в Москве, то не отказали бы по-прежнему дать канву для речей и отчетов. Григ. Ефимович возьмет все общее для своей речи; я подберу, насколько сумею, отдельные факты и указания. Федченко – то, что было писано Вами о результатах выставки по антропологии⁶⁹.

⁶⁵ Московский музей прикладных знаний: материалы для истории его устройства // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1875. Т. 17. С. 62.

⁶⁶ К уже упоминавшемуся письму Щуровскому (оно нами не найдено, но судить о его содержании, по крайней мере в части, касающейся выставки, можно по тексту письма Зенгера) Богданов приложил две общих схемы экспозиции будущей выставки: одна – в закрытом помещении (видимо, Манеже), другая (в виде отдельных павильонов) – в Кремлевских садах.

⁶⁷ Григорий Ефимович Щуровский – президент ОЛЕАЭ.

⁶⁸ Письма Н. К. Зенгера А. П. Богданову // АРАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 252. Л. 37 об.

⁶⁹ Там же. Л. 38.

Кстати, этот пассаж свидетельствует еще и о том, что, даже внимательно читая протоколы ОЛЕАЭ, далеко не всегда можно сказать, кто в действительности стоял за той или иной инициативой общества, если она озвучивалась президентом или секретарем общества, и это заметно облегчило задачу тех, кто после смерти Богданова старался как можно быстрее стереть память о нем и его деятельности.

И все же на годичном заседании общества 15 октября 1867 г. Щуровский политехническую выставку не упомянул, видимо посчитав, что под этим названием имелась в виду физико-химическая выставка, тем более что незадолго до этого Владимирский представил ему проект программы физического отделения общества, которая, в частности, включала организацию подобных выставок ⁷⁰. В своей речи Щуровский сказал:

План естественно-исторических и физико-химических выставок в общих чертах находится в портфеле общества. Собрание материалов для этого плана в настоящую минуту составляет особенную работу нашего неутомимого сочлена, Анатолия Петровича (Богданова. — Г. К.). Все свободные минуты от ближайших его занятий за границю посвящены обозрению того, что может содействовать успешному осуществлению будущей естественно-исторической выставки ⁷¹.

При этом, однако, он заметил, что

под естественно-историческими выставками мы разумеем и физико-химические, которые могут быть устраиваемы вместе с другими, или особо ⁷².

В целом из выступления президента можно понять, что основной задачей естественно-исторических выставок (он называет их еще «выставками прикладного естествознания») должна стать популяризация геологии и зоологии и их практических приложений к жизни:

Если наша выставка в полной картине покажет всю обширность тех приложений, которыми эти науки сталкиваются с жизнью, если она убедит в том, что геология и зоология необходимы не только с точки зрения умственного развития, но и с точки быденной жизни и государственного хозяйства, то это будет весьма серьезною заслугою ⁷³.

Эти выставки будут способствовать популяризации геологии и зоологии, «обогащению наших музеев, специализации работ, практическим занятиям и более подробному изучению отечества» ⁷⁴. Целью же физико-химических выставок предполагалось следующее:

Во-первых, ознакомить публику и специалистов с главными и наиболее полезными приложениями физики и химии к быденной жизни посредством наглядного представления и опытного изложения как этих

⁷⁰ Протоколы заседаний... Стб. 136–137.

⁷¹ Там же. Стб. 113.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. Стб. 112–113.

⁷⁴ Там же. Стб. 113.

приложений, так и научных их оснований. Во-вторых, содействовать обогащению кабинетов и лабораторий Московского университета приобретением полезных и вновь изобретаемых аппаратов ⁷⁵.

В последующих письмах Богданов название «политехническая» не использовал и называл будущую выставку «выставкой прикладного естествознания». Больше всего он был озабочен ее зоологической частью. В письме к вице-президенту ОЛЕАЭ А. Ю. Давидову от 23 апреля 1868 г. он писал:

Относительно ботаники и геологии отделка выставки и собирание предметов потребуют главным образом денег для своего осуществления. Для зоологии же дело другое: большая часть предметов необходимых не может быть куплена, но должна быть найдена и собрана ⁷⁶.

Поэтому же он уделял такое внимание экспедиционным исследованиям, предложил программу изучения биологии русских морей и, когда у общества появилась возможность снарядить экспедицию для изучения Черного моря, сам разработал подробную инструкцию для этой экспедиции ⁷⁷. Кроме этого еще на заседании ОЛЕАЭ 2 ноября 1867 г. по предложению Щуровского при обществе «ввиду предстоящего расширения трудов по составлению естественно-исторических коллекций» ⁷⁸ была учреждена ученая комиссия по устройству коллекций прикладного естествознания под председательством Богданова, и можно с уверенностью утверждать, что инициатива создания этой комиссии также исходила от последнего.

В конце лета 1868 г. Богданов вернулся в Москву и на первом же заседании общества (оно проходило 22 августа) от имени возглавляемой им комиссии для составления коллекций прикладного естествознания выступил с предложением устроить в Москве выставку прикладного естествознания. На этом же заседании комиссия была преобразована в комитет выставки прикладного естествознания во главе с Богдановым, и был принят «Проект правил выставки». Судя по нему, тематика выставки должна была охватить преимущественно зоологию, минералогию и ботанику, поскольку в проекте, в частности, указывалось:

Предметы, имеющие быть приобретенными для выставки, передаются по окончании ее в Зоологический, Минералогический и Ботанический кабинеты Московского университета. Дублиеты и коллекции, не идущие в состав означенных кабинетов, могут быть переданы комитетом (выставки. – Г. К.) в музеи других московских обществ и учреждений ⁷⁹.

Однако последняя фраза заставляет предположить, что тематику выставки не планировалось жестко ограничивать только тремя названными дисциплинами. Подтверждением этому служит и тот факт, что Богданов обратился

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. Стб. 221.

⁷⁷ Там же. Стб. 222–223.

⁷⁸ Там же. Стб. 142.

⁷⁹ Там же. Стб. 229.

к В. К. Делла-Восу⁸⁰ «с просьбою не отказать в своем содействии комиссии»⁸¹.

Так созданием комитета выставки во главе с А. П. Богдановым официально было положено начало подготовке к политехнической выставке. Правда, пока будущую выставку называли то выставкой прикладного естествознания, то говорили о серии таких выставок, включая политехническую, которая «должна обнять всю область физических и химических наук с разнообразными их разветвлениями и многосторонними применениями к практической жизни»⁸², то как просто о политехнической, охватывающей все области прикладного знания (сам Богданов предпочитал последнее).

Подготовка к выставке шла своим чередом. На годовичном заседании 15 октября 1868 г. Богданов как председатель комитета выставки объявил, что

в среде членов общества возникла мысль предпринять ряд публичных чтений для предварительного ознакомления публики с целью и организацией Политехнической выставки и что принять участие в этих чтениях, кроме членов общества [...] изъявили желание и некоторые из посторонних лиц⁸³.

Выставка планировалась довольно скромной – средств на нее было не так много, хотя возросший после Этнографической выставки 1867 г. авторитет ОЛЕАЭ начинал приносить свои плоды. На годовичном заседании 1868 г. президент общества Щуровский сказал:

Я имел случай излагать наши предположения по устройству прикладной выставки г. министру государственных имуществ Александру Алексеевичу Зеленому⁸⁴; его высокопревосходительство принял эти предположения с большим сочувствием и выразил ту мысль, что все относящееся к прикладному естествознанию в России близко касается его сердца и всегда может рассчитывать на его поддержку⁸⁵.

В результате общество получило от Министерства государственных имуществ две тысячи рублей в качестве единовременного пособия для устройства выставки⁸⁶. Однако речи об организации в Москве нового музея пока не заходило, и экспонаты выставки предполагалось использовать для расширения экспозиций университетских музеев.

---

⁸⁰ Виктор Карлович Делла-Вос (1829–1890) многое сделал для организации сельскохозяйственного и технического образования в России; член ОЛЕАЭ, с ноября 1869 – председатель физического отделения общества; в описываемый период был директором Императорского Московского технического училища.

⁸¹ Протоколы заседаний... Стб. 129.

⁸² Там же. Стб. 252.

⁸³ Там же. Стб. 308.

⁸⁴ Зеленый (Зеленой) Александр Алексеевич (1818–1880) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии; участник Крымской войны 1853–1856 гг.; в 1862–1872 гг. – министр государственных имуществ; один из организаторов Севастопольского отдела на Политехнической выставке и инициаторов создания в Москве Музея им. его императорского высочества государя наследника цесаревича (Государственного исторического музея).

⁸⁵ Протоколы заседаний... Стб. 242.

⁸⁶ Там же. Стб. 273.

Здание Музея прикладных знаний (1884) (Политехнический музей в Москве: 1872. М., 2002)

Ситуация стала коренным образом меняться после того, как на заседании ОЛЕАЭ 17 ноября 1869 г Щуровский зачитал предложение председателя отдела этнографии общества Н. А Пьпова⁸⁷ соединить Политехническую выставку с празднованием 200-летнего юбилея со дня рождения Петра I⁸⁸. По мнению автора, это «должно представляться для нашего общества [...] нравственную потребность, или, лучше сказать, историческою обязанностью» и, кроме того, будет способствовать пополнению выставки «предметами иностранного производства, которого Петр никогда не чуждался и коего нельзя исключить по самому характеру выставки», а также придаст новому предприятию общества «национальное значение и возбудит к нему несомненное сочувствие не только в русском обществе, но и в остальных славянских землях».

⁸⁷ Попов Нил Александрович (1833–1891/92) – историк, публицист, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской АН (1883), один из главных организаторов Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве в 1867 г.

⁸⁸ Протоколы заседаний Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете: год седьмой // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1870. Т. 8. Вып. 1. Стб. 7–8.

В результате выставка действительно приобрела общенациональный масштаб, а ее тематика стала стремительно расширяться. По инициативе Попова было решено организовать исторический отдел. В ОЛЕАЭ и комитет выставки поступали многочисленные предложения от различных министерств, ведомств и обществ (министерства путей сообщения, военного и морского ведомств, почтового департамента, Правительствующего синода, Московского архитектурного общества, Московского общества сельского хозяйства и др.) на свои средства организовать собственные павильоны на выставке. В январе 1870 г. общество обратилось с ходатайством к великому князю Алексею Александровичу ⁸⁹ «о принятии звания почетного председателя выставки» ⁹⁰. Выставка приобретала невиданный не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге размах. При этом благодаря авторитету Богданова разработанная им первоначальная концепция выставки как временного общедоступного музея прикладных знаний не претерпела изменений.

В июне 1870 г. было получено согласие великого князя Алексея Александровича стать почетным председателем выставки (перед самым открытием выставки 24 апреля 1872 г. «вместо удерживаемого в далеком плавании» ⁹¹ великого князя Алексея Александровича почетным председателем стал великий князь Константин Николаевич ⁹²). Должность председателя комитета выставки занял Н. В. Исаков ⁹³; примерно тогда же был создан распорядительный комитет выставки во главе с князем С. М. Голицыным ⁹⁴. На фоне этих имен фигура Богданова как бы отошла на второй план, хотя он оставался членом комитетов выставки, продолжал заниматься организацией ее зоологических отделов и, что самое главное, обеспечивал необходимые для нее средства. Райков замечает:

Бывали моменты, когда касса общества в разгар работы оказывалась совершенно пустой. Тогда приходил на помощь финансовый гений Богданова, который так или иначе добывал нужные деньги ⁹⁵.

---

⁸⁹ Великий князь Алексей Александрович (1850–1908) – четвертый сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны.

⁹⁰ Протоколы заседаний... год седьмой... Стб. 113.

⁹¹ Вестник Московской Политехнической выставки. 1872. № 1. Великий князь Алексей Александрович в это время в качестве старшего офицера находился на борту фрегата «Светлана», флагманского корабля военно-морской эскадры контр-адмирала К. Н. Посьета, который только 5 декабря 1872 г. вернулся во Владивосток. От ОЛЕАЭ в этом плавании участвовал ученик Богданова, зоолог и эмбриолог В. Н. Ульянин (1840–1889), впоследствии профессор Варшавского университета.

⁹² Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) – генерал-адмирал, второй сын Николая I.

⁹³ Исаков Николай Васильевич (1821–1891) – генерал, педагог, член Государственного совета; попечитель Московского учебного округа (1859–1863); главный начальник военно-учебных заведений (1863–1881).

⁹⁴ Князь Голицын Сергей Михайлович (1843–1915) – сын Михаила Александровича Голицына, дипломата и известного коллекционера; занимался торговлей, владел металлургическими заводами на Урале и соляными промыслами; в 1865 г. открыл в своем доме на Волхонке общедоступный музей.

⁹⁵ Райков. Русские биологи-эволюционисты... С. 343.

Южный корпус Музея прикладных знаний (1896) (Политехнический музей в Москве: 1872. М., 2002)

Райков, ссылаясь на неизданные записки О. А. Богдановой, описывает эпизод, произошедший за две недели до открытия выставки, когда из-за отсутствия средств все будущее мероприятие было поставлено под угрозу:

Звонок – Приехал Губонин ⁹⁶: длиннополый купеческий кафтан, высокие сапоги, образная грубоватая народная речь: «По делу, по делу, дорогой Анатолий Петрович! Вы заняты, и я по горло. Не задержу, сам спешу, на минуточку присяду. Ну, вот к чему я дело веду. Скажу вам, Анатолий Петрович, что я человек практический. По моему такому разумению выставка ваша – дело непрактичное... Ну, да вы сами знаете, как я ценю и уважаю ваше дело, труды ваши. Ох, уж и трудненько вам приходится! Вот, думаю, привезу я вам подарочек. Вот, берите!» Губонин вынул толстую пачку и положил на стол: «Вот стопочка, в ней 20 тысяч. В полное ваше распоряжение, дорогой». Губонин похлопал по плечу Анатолия Петровича: «Разорвать хотите – ну вот, я посижу, а вы ее разорвите... Сжечь хотите, фантазия пришла, ну и сожгите, а я посмотрю... В полное ваше распоряжение. Засим прощайте, дело не терпит» ⁹⁷.

⁹⁶ Губонин Петр Ионович (1825–1894) – купец 1-й гильдии, строитель железных дорог, меценат; неперенный член ОЛЕАЭ; за участие в Политехнической выставке и пожертвование средств на ее устройство был возведен в дворянское звание; на средства Губонина в Москве было построено Комиссаровское техническое училище.

⁹⁷ Райков. Русские биологи-эволюционисты... С. 343–344.

Политехническая выставка была торжественно открыта 30 мая⁹⁸ в день рождения Петра I и работала до 1 сентября⁹⁹. Она размещалась в Манеже и в 90 павильонах, возведенных на набережной Москвы-реки, в Кремле и кремлевских садах. О популярности выставки свидетельствует и то, что число ее посетителей – 750 тыс. человек – превышало тогдашнее население Москвы.

Еще за полтора года до открытия выставки Богданов, помимо организационных забот, связанных с ее устройством и финансовым обеспечением, взял на себя еще одно важное дело. Как мы уже говорили, на начальных этапах подготовки выставки не было никакой речи о создании нового музея – экспонаты должны были пополнить университетские музеи и лаборатории. Однако после Всероссийской промышленной выставки 1870 г. в Петербурге по высочайшему повелению была создана комиссия для обсуждения вопроса об учреждении всероссийского промышленного музея, в который планировалось передать в том числе и экспонаты Политехнической выставки. Комиссия должна была, в частности, решить вопрос о том, где будет располагаться новый музей. В качестве главных претендентов рассматривались Петербург и Москва.

Вполне естественно, что из-за вечного соперничества двух столиц московские власти немедленно активизировались, тем более что вопрос об организации в Москве специализированных промышленных музеев поднимался уже неоднократно начиная с 1820-х гг. 7 мая 1870 г по инициативе городского головы князя В. А. Черкасского¹⁰⁰ Богданов¹⁰¹ выступил на заседании Московской общей думы с предложением

заняться вопросом об устройстве в Москве центрального политехнического музея и назначить для разработки его особую специальную комиссию¹⁰², при этом он рекомендовал пригласить для работы в комиссии и представителей от тех обществ и учреждений, которые давно уже заинтересованы этим вопросом, а именно: мануфактурный совет, общества любителей естествознания и сельского хозяйства, а также университет¹⁰³.

14 мая такая комиссия была создана, а Богданов был назначен ее делопроизводителем. В начале августа комиссия представила свои рекомендации, и на их основе 3 сентября дума приняла решение

ходатайствовать перед правительством об учреждении общеобразовательного политехнического музея, посвященного прикладным знаниям, в Москве как центре русской промышленности, особенно нуждающемся в подобном учреждении¹⁰⁴.

⁹⁸ По старому стилю; если перевести на новый стиль, то день рождения Петра придется на 9 июня, а открытие выставки – на 11 июня (а не на 12-е, как это обычно указывается).

⁹⁹ После официального закрытия посетителей еще три дня (1–3 сентября) пускали на выставку за небольшую плату (20 коп.; в начале работы выставки билет стоил 1 руб., затем цена была снижена до 40 коп.; учащиеся могли посещать выставку бесплатно).

¹⁰⁰ Князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878) – государственный и общественный деятель; славянофил; в 1868–1870 – московский городской голова.

¹⁰¹ В 1868–1880 гг. Богданов являлся гласным Московской городской думы.

¹⁰² Московский музей прикладных знаний:… С. 3.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 11.

Для размещения будущего музея предлагалось безвозмездно передать ему участок земли на Лубянской площади.

В июне того же года комиссия по устройству музея также была создана в ОЛЕАЭ. Незадолго до этого Черкасский обратился в общество с официальным запросом относительно того, как оно собирается распорядиться экспонатами Политехнической выставки после ее окончания¹⁰⁵. Аналогичный запрос был получен от председателя комитета выставки Н. В. Исакова, который состоял также членом упоминавшейся выше петербургской комиссии. Он попросил общество выработать свои предложения по организации общеобразовательного политехнического музея в Москве и обещал поддержать их в комиссии в Петербурге¹⁰⁶. Для подготовки этих предложений и была учреждена комиссия, в которую вошли: В. А. Черкасский, А. Ю. Давидов¹⁰⁷, А. П. Богданов, С. М. Голицын, Д. А. Наумов¹⁰⁸ и некоторые другие члены общества, активно участвовавшие в подготовке выставки, а также архитекторы Н. А. Шохин, Д. Н. Чичагов и Н. В. Никитин.

Комиссия должна была, во-первых, провести консультации с представителями различных московских учреждений и ученых обществ, которые могут быть заинтересованы в создании политехнического музея, и выяснить, согласятся ли они объединить имеющиеся у них музейные коллекции в единый централизованный политехнический музей, и, во-вторых,

выработать хотя в общих чертах программу музея и план необходимого здания, равно как и указать условия, необходимые для того, чтобы музей достигал своей цели¹⁰⁹.

На этом же заседании совету были представлены письменные мнения относительно будущего музея двух членов комиссии: Богданова и Делла-Воса. Но если последний в своем мнении сосредоточился на значимости публичных музеев, общих принципах их организации и на аргументах в пользу размещения политехнического музея именно в Москве, а не в Петербурге¹¹⁰ (вопрос об этом еще не был решен окончательно), то Богданова больше интересовала концепция музея, его цели и задачи и способы оптимальной организации экспозиционного материала¹¹¹. По мнению Богданова, будущий общеобразовательный музей прикладных знаний, как и выставка, которая в сущности была временным вариантом такого музея, должен отвечать следующим требованиям:

¹⁰⁵ Протоколы заседаний... год седьмой... Стб. 245.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Давидов Август Юльевич (1823–1885) – математик и механик, первый вице-президент ОЛЕАЭ.

¹⁰⁸ Наумов Дмитрий Алексеевич (1830–1895) – земской деятель, юрист, специалист в области сельского хозяйства; член ОЛЕАЭ, в 1874–1895 гг. – председатель правления Политехнического музея и первый директор сельскохозяйственного отдела музея.

¹⁰⁹ Протоколы заседаний... год седьмой... Стб. 245–246.

¹¹⁰ Московский Музей прикладных знаний... С. 21–24.

¹¹¹ Общеобразовательный политехнический музей в Москве (мнение А. П. Богданова) / Протоколы заседаний... год седьмой... Стб. 246–256; расширенный вариант: Московский Музей прикладных знаний... С. 13–21.

Во 1-х, как учреждение, предназначенное для публики вообще, он должен, кроме общих научных условий, удовлетворять еще следующему: расстановка предметов должна быть произведена так, чтобы вещи наиболее существенные и на кои желательно обратить особенное внимание, с первого раза останавливали бы посетителей и заинтересовывали их [...]

Во 2-х, как музей, предназначенный служить не для одной только популяризации науки, но и для справок и изучения различного рода техник, он должен быть научно систематичен.

В 3-х, как учреждение, имеющее целью вносить в жизнь усовершенствования и открытия, музей должен иметь средства и возможность следить за такими усовершенствованиями и обогащать ими свои коллекции. Он должен быть постоянной выставкой всего полезного нового ¹¹².

Чтобы «заслужить название музея политехнического или прикладных знаний» ¹¹³, его экспозиция должна включать: 1) естественно-исторический отдел, посвященный «наукам описательного естествознания» (геология с минералогией, ботаника с садоводством и зоология); 2) отдел опытных наук (прикладная физика с лабораторией, прикладная химия с лабораторией, механика, технология, сельское хозяйство, художественно-промышленное собрание, архитектура и инженерное дело); 3) отдел учебных пособий.

Текст этого «Мнения», расширенный и лишь немного измененный ¹¹⁴, лег в основу окончательного доклада комиссии ОЛЕАЭ по вопросу об устройстве Политехнического музея ¹¹⁵, который был представлен Давидовым на заседании общества 29 сентября 1871 г. и по существу являлся программным при формировании экспозиции музея сначала в доме Степанова на Пречистенке (в помещении бывшего яхт-клуба), а затем в специально построенном для него здании на Лубянской площади. К сожалению, не все, что планировал Богданов, удалось осуществить. Так, его идея разместить естественно-научную и сельскохозяйственную части экспозиции в Кремлевских садах хотя и была практически единогласно принята Комитетом для устройства музея прикладных знаний и заведывания оным ¹¹⁶, однако из-за недостатка средств сначала была отложена, а затем и вовсе оставлена, и вся экспозиция музея оказалась в здании на Лубянской площади. Но все это отнюдь не умаляет его заслуг в создании Политехнического музея. Без Богданова, его организационного таланта и преданности своему делу в Москве бы действительно не было ни Политехнической выставки, ни музея.

¹¹² Протоколы заседаний... год седьмой... Стб. 254.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ В частности, естественно-исторический отдел преобразован в отдел основных наук и дополнен физикой и химией; второй отдел был назван техническим и включил механику, технологию, сельское хозяйство и строительное дело; третий отдел получил название «учебный».

¹¹⁵ Протоколы заседаний Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете: год восьмой // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1871. Т. 9. Вып. 1. С. 4–9.

¹¹⁶ Этот комитет был создан в ноябре 1872 г. уже после того, как выставка закрылась и экспозиция музея была размещена во временном помещении.